

Протология и Эсхатаология Св. Максима Исповедника — Опыт толкования 60-го Ответа Фалассию¹.

Св. Максим Исповедник² (580-662г.) несомненно один из самых великих богословов, боговдохновенный Отец Православной Церкви. Особо же этот Святой подвижник и исповедник Евангелской истины, веры, жизни и мысли известен тем, что после Апостолов Иоанна и Павла, и потом Святителя Григория Богослова, глубже всех изожил основную богооткровенную истину, которую, следуя Апостолу Павлу (Рм.16, 25; Еф.1, 9; 3, 3.9; 5, 32; Кол.1, 26-27; 2, 2; 4,3 1Тим.3, 16), он называет Тайной Христа (τό μυστήριον τοῦ Χριστοῦ). Поэтому Максим известен как самый глубокий христологический и христоцентричный богослов. Для него, Таинство Христа — ключ и объяснение всего; этим таинством все в Божественном Откровении, и тем же самым в Христианстве, обосновывается и все объясняется. Как писал о. Георгии Флоровский: «Для преподобного Максима, Воплощение есть средоточие мирового бытия, — и не только в плане искупления, но и в изначальном миротворческом плане» (Восточные Отцы 5-8. веков, с. 200). И для Максима, нет другого обоснования и объяснения Тайны Христа кроме тайны Предвечного Великого Совета Пресвятой Троицы (Ис.9,6).

Эта Тайна Христова для Св. Максима, Исповедника Христа Богочеловека, одновременно есть и тайна человека, его протологии и эсхатаологии, т.е. тайна смысла творения и назначения человека и всей твари для вечного существования, для бессмертного благобытия и обожения со Христом и во Христе. Иными словами, Тайна Христова есть таинство вечного спасения человека и всего сотворенного, всего существующего. Поэтому у Св. Максима, в его глубинное христологическое и христоцентричное богословие, входит и содержится и антропология и сотериология.

Св. Максим действительно имел «скрытую благодать мистической теологии» (как сказано в одной схолии на 59 Ответ Авве Фалассию) и поэтому он совершенно правильно назван τρίτος θεόλογος, третий богослов (PG 90,204A), после Св. Ап. Иоанна и свт. Григория, и раньше Симеона Нового Богослова.

Вообще, надо подчеркнуть тот факт, что для Максима подлинное богословие существует и действительно возможно только благодаря Сыну и Слову Божию — Христу, Его воплощению и вочеловечению. В своем прекрасном и оригинальном толковании Молитвы Господней, Отче наш, Максим говорит: «Богословию учит воплотившееся Слово Божие, показывая в Себе Отца и Святого Духа, потому что весь Отец пребывал в Сыне и весь Святой Дух пребывал полностью во всецелом воплощаемом Сыне, не воплощаясь (Сам), но Отец благоволя, а Дух содействуя Сыну самодействующему (αυτοουρουύντι) Воплощение... когда Он из человеколюбия соделал (Свое) соединение с телом по

¹ Текст настоящего доклада, во время произнесения был исправлен и существенно дополнен автором.

² Текст творений Св. Максима и особенно ответы к Фалассию по новейшим изданиям: **Corpus Christianorum, Series Graeca, 7, 10, 22, 23, 39, 40.**

Ипостаси (т.е. в Своей Личности)³. Это от Христа открытое и Церкви переданное богословие есть не что иное как самое Евангелие Божие, а Евангелие опять таки не что иное как сам Христос как Богочеловек, т.е. Сын и Логос Божий воплощенный и вочеловеченный нас ради человек и нашего ради спасения, нашего ради вечного и несотворенного обожения. Вот слова Св. Максима об этом факте: «Ибо, думаю, Евангелие Божие есть послание Божие и утешение человеком, через Сына Воплощенного, Дарующаго награждение измирения со Отцем, тем которые Ему верят — несотворенное обожение»⁴. (О нестворенном обожении, как плоде именно Христова воплощения, будет сказано немного позднее). О так понимаемом Евангелии Святой Отец говорит и в другом месте: «Святое Евангелие есть порождение творения, т.е. Божиего (Христового) через тело самодействия. (αυτοουρῳιας) которое имеет Царствие в бесконечные веки, в котором (Царствии) мы будем иметь непрерывную радость и веселие, ибо это день невечерний и нескончаемый. Ибо (Писание) говорит: Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь (Пс. 117,24), называя днем евангелскую благодать, или ту самую тайну Сотворившего эту благодать, в котором дне желает (Бог) чтобы все мы, по божественному Апостолу, как по дне знания и истины благообразно ходили (Тим.13, 13). Ибо день вечного света есть Христос»⁵.

Итак, по Св. Максиму, Тайна Христова отождествленна с Евангелием Божиим, с Божественным благовещением (радосто-вещением) вечной жизни и обожения, как всерадостного прославления человека и всего созданного в Божественной бесконечности любви и блаженства, которые Бог предуготовил в Сыне Своем Единородном и Возлюбленном, Который воплощением стал и Сын Человеческий, оставаясь всегда, и прежде воплощения и после вочеловечения, Один и Тот же Единственный Сын Божий Возлюбленный (пролог Еванг. от Иоанна и Послания Ефес, на которых Максим обосновывает свою Протологию и Эсхатологию). Воплощение и Вочеловечение Христа нам людям принесло и подарило обожение и обогочеловечение (как говорил в наши дни о. Иустин Попович, верно следуя Максиму). Поэтому, по Св. Максиму, и всецелое Божие творение, и всецелое Откровение — частично записанно в Св. Писании — только предвозвещение и постепенное проявление таинства Воплощения, т.е. все и вся предизображение евангельского, церковного, всекосмического, эсхатологического Христа Богочеловека.

Об этом пишет богомудрый Максим: «Таинство Воплощения Слова (Логоса) содержит (в себе) смысл (τήν δύναμιν) всех загадок и прообразов Писания, и также знание (всех) являемых и умопостигаемых тварей. И кто познал таинство Креста и Погребения (Христова), тот познал словеса (логосы-причины) преждедеченных. Тот же кто посвящен в невыразимый (таинственный) смысл Воскресения, познал и цель, ради которой Бог первоначально привел все в бытие»⁶.

Уже в этом небольшом тексте видна, с одной стороны, протология Св. Максима (где говорится о первоначальном состоянии и о логосах-словесах) и, с другой стороны, эсхатология Св. Максима (Воскресение Христа, которое раскрывает

³ CCSG 23, 31- 32 = PG 90, 876)

⁴ (Otvety Falassy, 61. CCSG 22, 101 = PG 90, 640)

⁵ (Otvety Falassy, 65. CCSG 22, 299 = PG 90, 768)

⁶ (Glavy o bogoslovii, 1, 66. PG 90, 1108)

первоначальную цель и конечную цель создания всего). Но в то же самое время между протологией и эсхатологией Максим выводит таинство Креста и погребения, то есть икономическое, спасительное дело искупления от греха и смерти. Эту промежуточную реальность как домостроительство искупительного страдания Христова Максим тоже учитывает совершенно серьезно в своем богословии, потому что он сотериологический богослов в противоположность средневековым схоластам, которые ставили гипотетические вопросы. Скажем сейчас только, что эту промежуточную спасительную икономию (домостроительство) называет *ἐπισαυθεῖσα οἰκονομία* — дополнительная икономия страдания Христова между Его воплощением и воскресением. Пока присовокупим еще, что и это искупительное домостроительство входит во всеобъемлющее Таинство Христа и не изменяет первоначального Божественного Совета о вочеловечении Сына Божия ради обожения и соединения человека с Богом.

Бесконечные измерения этого всеобъемлющего Богочеловеческого таинства можно сжато увидеть в 60-ом Ответе Св. Максима своему ученику Фалассию, африканскому монаху, который имел характерное для монахов стремление к познанию самых глубоких тайн Христианской веры и жизни, чтобы своими вопросами вызвать такие глубокие ответы своего учителя и сподвижника из византийской столицы, жившего тогда в его монастыре в Африке. Ту-же самую Богочеловеческую тайну, но на сей раз из другой перспективы, можно увидеть и в 59-ом. Ответе Фалассию, в той части где Святой Отец толкует слова Апостола Петра (1 Петр 1,9): «Приемлющее конец вере вашей — спасение душам».

Приведем с начала из 60-ого Ответа Фалассию слова, которые наиболее важны для нашей темы:

«Тайну Христа слово Писания называет Христом (Кол. 1,26)... т.е. одно и тоже Христос и Тайна Христа. А это явно есть невыразимое и непостижимое соединение по Ипостаси (в одном Лице) Божества и человечества, приводя всячески человечество в тождество с Божеством, по причине Ипостаси (Лица), и составляя одну сложенную Ипостась *μίαν σύνθετον ὑπόστασιν*) от обоих природ (Божественной и человеческой природы)... Это и есть та Великая и Сокровенная Тайна (Еф.3,3,9; 5,32; Кол. 1, 26-27; 1Тим.3,16). Это та блаженная крайняя цель (*τέλος* – с/о/вершение ради которой всё сотворено. Это та божественная цель (*σκοπός*), предзадуманная (Богом) прежде начала всяческих, и определяя её (эту цель) мы говорим что она предзадуманное (Богом) совершение (*τέλος*) котораго ради всё, оно же ни ради чего (другого). Смотря на эту крайнюю цель (*τέλος*), Бог сотворил сущности всяческих. Это воистину конечный предел (*πέρας*-конец Промышления (Божия) и тех, о которых Он промышляет, при котором совершении будет возглавление в Бозе всего сотвореннаго Им (Еф. 1,10-11). Эта Тайна охватывает все веки и проявляет тот неизмерный и бесконечный, существующий прежде веков, Великий Совет Божий, котораго Весником стал тот Самый по существу Логос Божий (Слово Божие-Христос), ставший человеком, и сделал открытой, если так можно сказать, самую внутреннюю глубину Отчей благости, и в Себе показавый крайнюю цель, которой несомненно вся сотворенныя существа получила начало бытия. «Значит, Христа ради, т.е. ради Таинства Христова, все веки и всё что есть в этих веках, во Христе начало и крайнюю цель бытия получило. Ибо прежде веков

предзадуманно (от Бога) соединение границы и безграничия, и меры и безмерия, и конечности и бесконечности, и Творца и твари, и стояния и движения, которое (соединение) стало явленным во Христе в последние времена, являя собой исполнение предведения Божия, чтобы всё, по природе движимое, стало (остановилось) около по существу во всем Неподвижного (Бога), изступив целиком из, к себе и между собою, движения, и опытом примет по действию неизменяемое и тождественное знание Того, в Котором удостоилось остановится, и это знание дает им наслаждение Познаваемого (Бога)... Это Таинство предузнал (предувидел) прежде всех веков только Отец и Сын и Святой Дух. Отец по благоволению, Сын по самоделанию (κατ'αυτουρῳίαν) собственною деятельностью), а Дух по содействию. ... Итак, предузнал Христос, не по тому чем Он был по природе для Себя, но по тому, чем Он явился позднее (как Богочеловек), по домостроительству спасения нас ради. Ибо воистину подобало, чтобы Тот Который по природе Создатель сущности всяческих тварей, Он был бы и Самодетель (αυτουρῳόν, Самоделающий) обожения по благодати тех, которые созданы, чтобы Дародатель бытия показался и Дародавцем вечного благобытия⁷.

Из приведенных слов видна многогранность Тайны Христа, находящейся в основе и того что мы называем Христианской Протологией и того что называем Христианской, Православной Эсхатологией. Повторим последние процитированные слова: Протология относится к бытию, и даже к вечно-бытию (τό αἰεὶ εἶναι), в то время как Эсхатология относится к вечному благобытию (τό αἰεὶ εὖ εἶναι). Надо помнить еще о том, что Бог все создал для вечного бытия, вечного существования и все будет вечно бытийствовать-существовать. Гарантией этого является то, что Св. Максим называет предсуществующими в Боге логосами (λόγοι – словеса, причины), которые означают Божественную волю и причины и образцы всех имеющих быть созданий или творений. Все эти логосы находятся в вечном и ипостасном Логосе Божиим и поэтому всячески стремятся к Нему, так как все Им и для Него создано, и для Него существует, Он как Логос бесконечно превосходит их, как Сверхсущий и как причина этих логосов. (Кол, 1, 16-17).

Можно ставить вопрос: что тут старше, что раньше, а что позднее? Дело в том, что мы здесь имеем позицию известную в Православной иконописи как обратная перспектива. Вот в чем дело. Нам надо помнить, что у Св. Максима Начало, или точка Альфа, и Конец, точка Омега, между собою тесно связаны, и в вечной мысли Божией, в Предвечном Великом Совете Святой Троицы (Ис.9,6; Ответ Фалассию 60) — они совпадают и отождествляются, конкретно, в Логосе-Сыне-Христе. Это так в Боге и для Бога, но для за нас — творений, для созданного мира, существ, которые сотворены, которые начали быть/существовать, и поэтому тварны и ограничены, у них это есть движение, (κίνησις) от Начала к Концу. И тут, как будто, Начало определяет Конец, Альфа определяет Омегу. Но так как творения, и, прежде всего, человек, как богообразное и богоподобное (более точно: христообразное и христоподобное) существо, в Божественном Домостроительстве потенциально, динамически назначены и устремлены к Божественному несоторенному обожению в Логосе-Сыне-Христе, то они тогда, когда достигают до Конца, Который есть Христос, обретут не только Начало, но и

⁷ (CCSG, 620-6)

бескрайнее и безграничное, т.е. неограниченное обожение. И обожение не есть только безграничное и бесконечное в отношении будущего, но и в отношении прошлого. Одним словом, это неограниченная во всех направлениях Божественная вечность обожения и обогочеловечения во Христе. И тут эсхатологическая точка Омега определяет протологическую точку Альфа. Конец как полнота определяет Начало, а не наоборот. Естественно, что нет Конца без Начала, но нет и Начала, если нет его исполнения в Завершении и Совершении, а это Конец без Конца. Это и выражает апофатический язык Св. Максима. Особенно такие парадоксальные выражения как: всегда движущееся стояние, стоящее движение; человек безначальный и бесконечный (αεικίνητος στάσις, κίνησις στάσις; άνθρωπος άναρχος και ατελεύτητος)

Раньше чем будем объяснять эти глубокие слова и мысли Максима, приведем и отрывок из 59 Ответа Фалассию⁸.

«А спасение душ воистину есть — конец веры (τό τέλος - 1 Петр. 1,9); а конец веры — истинное откровение Верованного (Бога).

А истинное откровение Верованного (Бога) есть - невыразимый, по аналогии веры, перихорисис (περιχώρησις, усиление) в каждом (верующем) Верованного (Бога); а перихорисис Верованного (Бога) есть возвращение верующих, на конце, к началу.

А это возвращение, на конце, к началу есть исполнение желания (εφέσεως, стремления); и это исполнение желания есть вечнодвижущееся стояние желающих около Желаемого (Христа). (η περί τό εφετόν τών εφιεμένων αεικίνητος στάσις).

А вечнодвижущееся стояние есть непрестанное наслаждение Желаемым; а это непрестанное наслаждение (Им) есть причащение сверхприродных Божественных благ. А причащение сверхприродных Божественных благ есть уподобление (ομοίωσις) причастников Причащаемому (Христу); а уподобление причастников Причащаемому есть по действию (κατ' ενεργείαν) через уподобление, ожидаемое отождествление причастников Причащаемому.

А по действию через уподобление ожидаемое отождествление причастников Причащаемому есть обожение (θέωσις) удостоенных обожения; а обожение есть по принципу окружения: (καθ' υλογραφής λόγον) обнимание и окончание (περιοχή και πέρας) всех времен и веков и всего что в них.

А обнимание и окончание (περιοχή και πέρας) всех времен и веков и всего в них есть неразделимое единство в спасаемым всецелого и истинного начала (αρχής) со истинным и всецелым концом (τέλος); а неразделимое единство в спасаемым всецелого и истинного начала (αρχής) и истинного и. всецелого конца есть — самый лучший выход (έκβασις) природных существ, которые началом и концом (были) существенно ограничены (μεμετρημένων).

А выход тех существ которые были по началу и концу ограничены (περιγεγραμμένων) есть в удостоенных непосредственная и бесконечная, и вовсе

⁸ Схолия на ответ 59. CCSG 22, 69 = PG 90, 617)

безграничная, всемогущая и сверхмогущая энергия (действие) Божия; а непосредственная и бесконечная и вовсе безграничная, всемогущая и сверхмогущая энергия Божия есть то находящееся в невыразимом и сверхумном соединении несказанное и сверхсловное удовольствие и радость действованных (τὸν ἐνεργουμένων), для чего вовсе не возможно находить мысли, или слова, или понятия, или речи в природе существующих существ.

Ибо природа не имеет логосов (начал, принципов) сверхприродного, как не имеет ни законов противоприродного. А сверхприродным называем: то Божественное и немислимое удовольствие, которое Бог природно делает, соединяясь по благодати, с достойными; а противоприродным называем: эту невыразимую боль, состоящую в лишении (вышереченного удовольствия), которую (боль) Бог обыкновенно делает природно, соединяясь помимо благодати, с недостойными. Ибо, по отношению к подлежащему (τὴν ὑποκειμένην) в каждом качестве расположения, Бог, соединяясь, как Сам знает, каждому дает чувство по тому как каждый собою себя (свободно) возобличил (διατετρασμένος, сформировал) для принятия Того (Бога) Который соединится непременно со всеми на конце веков».

Приводим более сжато этот максимовский синтез:

Спасение душ — конец веры.

Полное откровение Верованного Бога — перихорисис верующих Верованным Богом.

Возвращение на конце к началу — исполнение изначального желания, вечнодвижущееся стояние желающих в Желаемому-Христу, непрерывное наслаждение Им.

Причащение Божественных благ — уподобление Христу.

Отождествление по энергии (действию) с Ним — обожение.

Обнимание всех времен и веков и всего что в них — неразделимое единство во спасенном подлинного начала и полного конца.

Конечный, самый лучший выход природных (ограниченных) от начала до конца существ — энергия (действие) Божие в достойных.

Невыразимое удовольствие и радость обоженных — благодатное соединение достойных с Богом с радостью, или недостойных с болью из-за их самолишения благодати (любви) Божией (как присовокупляет Максим).

Просто читая этот, и другие подобные тексты Св. Максима, которые чрезвычайно глубокие, тонкие богословско-философские высказывания православного, церковного богомыслия и богومудрия, получается такое впечатление: что у Максима сразу видно близкое связывание библейско-христианской Протологии (о первых началах всего существующего) и библейско-церковной Эсхатологии (о конечном реальности всего сущего, того что есть и хочет быть, и вечно быть и житьствовать). И невнимательному читателю или слушателю может показаться, что это уже слишком знакомое античное «возвращение всего в начало», т.е. тут у Максима на деле влияние Оригена и в нем наследия эллинской философии; что это знакомил апокатастасис, возвращение всего в первоначальное состояние. Как будто бы тут снова «вечное круговращение», безвыходный «цикл

кружения», и этим самым побег от истории, от событий и новшества в роде Соломоновой фразы: «нет ничего нового под солнцем»(Экл. 1, 9).

(Между тем, у Св. Максима все как раз наоборот. Ибо, и при всем его настаивании на связи Начала с Концом, и Промыслительной продолжительности от конца к началу, что бы была подчеркнута древняя, по Божественному плану и в то же самое время мудро сокрываемая и открываемая истина и тайна: что Один и тот-же Предвечный Великий Совет Троичного Бога все предвидел и предопределил уже с начала — ибо Один и Тот-же Бог, Творец и Промыслитель всяческих в начале — но что именно этот Великий Совет предопределил, в любви Своей, что Один из Святой Троицы будет и конечный Самодетельный Дародавец Полноты, т.е. Спаситель и Обожитель (Прославитель) «на конце веков» — это и есть то что Максим, вслед за Павлом, называет Таинство Христа. (Ответ Фалассию 60).

Поэтому, говорит Св. Максим, пусть человек, сотворенный в начале богообразным и богоподобным, жаждущим Бога и к Нему стремящимся, и получил в Раю изобилие благ, и талантов, и назначен к еще большему возрастанию, но так как он пал и удалился от Бога, и деградировал, так что почти стал «безнадежным случаем», потому что он потерял общение (κοινωνία) с Богом, все-таки, тот же самый человек, во Христе воплотившимся и вочеловечившимся получил не только восстановление в первоначальное райское состояние, но и гораздо более широкое, долгое, высокое и глубокое, (Еф.3,18), и всячески обеспеченное общение-κοινωνίαν, второе общение (δεύτεραν κοινωνίαν) которое гораздо больше первого — ипостасное соединение с Божественной Природой в Лице Христа, Сына Божия ставшего Сыном Человеческим, но Одним и Тем же «вчера, днесь и во веки» (Евр.13,8). Во Христе человек получил то что в Раю, неблагоприятно пожелал и противприродно дерзнул на равенство с Богом — ισοθείαν, которое во Христе — усыновление и единство с Богом, оставаясь подлинно и полностью человеком, по мере того Таинства: как Сын Божий стал полностью Человеком оставаясь подлинно Богом. Это действительно новотворение, новое состояние «новой твари во Христе» (2Кор.3,6; 5,17; Еф.2, 15; 4, 24; Откр.21,5), которое несравненно превосходит первоначальное райское состояние, т.е. то Начало, Альфу. Этот Конец — Τέλος — Омега, который Св. Максим называет и «возвращением Конца к Началу», и еще точнее: «исполнением Начала в Конце», так что это и не просто «возврат», но вечно Новое и Новотворящее, «Единое Новое под солнцем» (Максим и Дамаскин), кода Бог воистину произносит и осуществляет Свои эсхатологические слова: «Се творю все новое» (Откр.21,5). Это та эсхатологическая Пятидесятница, в Ветхом Завете прообразованная Юбилеем «семи седмин», т. е. субботаствованием, а в Новом Завете, в Церкви — Царство Сына любви Его (Кол.1,13), реализованное υπερεκτερισσοῦ (сверхизобильно, чем мы можем просить или мыслить (Еф.3,20; ср.1Кор.2,9) как излияние благодати Духа Божиего «Открывающего и испытывающего и глубины Божия (1Кор.2, 10) на всякое тело «семдесят раз седмицею» (см. об этом подробнее Максимов Ответ 65 Фалассию).

Воплощением Христовом, значит, сотворена новая κοινωνία Бога и человека, вечная κοινωνία, ибо καινοτομοῦνται αἱ φύσεις (новосекутся природы, церковная песнь, взята из Григория Богослова и Максима) в единстве Богочеловека

Христа, в Котором человек получает «несотворенное обожение» (τὴν ἀγένητον θεώσιν) и бывает «по благо безначален и бесконечен» (ἀνάρχους κατὰ χάριν καὶ ἀτελεύτετος).

Пишет Св. Исповедник: «Ибо другим общением Логос приобщается природе (человеческой, и в ней всей богосозданной природе твари), гораздо парадоксальней от прежнего общения (δευτέραν κοινωνίαν ὁ Λόγος ἐκοινωνήσῃ τῇ φύσει, πολὺ τῆς προτέρας περοδοξοτέραν); насколько первоначально дав от лучшего, позднее, волею Сам взяв участь в худшем, что бы и образ (Божий в человеке) спасал и тело обесмертилось, и ложное слово змея (диавола), сказанное природе, совсем уничтожилось, и природу опять соделал как от начала чисту от зла, обогащену обожением по отношению к первому созданию (τῇ θεώσει πλεονκτούσαν τὴν πρώτην διάπλασιν). И, как Он сначала, еще не существующу сотворил, так и когда она пала, Он снова ю павшую спасал, утвердив ее неизменностью чтобы больше не падала, и так исполнил (совершил) весь Совет Бога Отца о ней и, обожив ее силою Своего вочеловечения⁹.

Из всех цитированных текстов, и особенно из Максимовых Ответов 59 и 60 Авве Фалассию, мы можем видеть, что в основе Максимовой Христологии и и христоцентричного богословия стоит Халкидонское исповедание Тайны Христова воплощения и вочеловечения. Как в Халкидонском оросе, так и у Св. Максима видна двуединая тайна Богочеловека Христа, мера и мерило прославления человека у Бога, без слияния или изменения (природ) без уничтожения природы и личности, но с неизмеримым обогащением Божией любовью, благодатью, спасением, обожением.

Одним словом, во Христе содержится вся Протология и вся Эсхатология Святого Максима. А это значит, что и вся Протология и Эсхатология Православной Церкви.

⁹ Ответ к Фалассию, CCSG 7,459. PG 90,520